

КТО Я?

Dante Our

Для чего
был рождён?

Я чудовище?

За что?

За что?

Для чего
я был рождён?

Что сомной?

За что?

За что?

Для чего я был
рождён?

Для чего
я был рождён?

Я чудовище?

Я чудовище?

За что?

За что?

Что сомной?

Я чудовище?

Для чего
я был рождён?

Для чего
я был рождён?

Что сомной?

За что?

За что?

Для чего
я был рождён?

За что?

Что?

Я чудовище?

Для чего
я был рождён?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

За что?

За что?

Dante OUR

Кто Я?..

«Автор»

2026

OUR D.

Кто Я?.. / D. OUR — «Автор», 2026

«Кто Я?..» — это мрачная и психологически напряжённая история о природе тьмы, жестокости и человечности, разворачивающаяся в мире, где правят Охотники. Ан Минхо с детства знал, что система не на его стороне. Преданный отцом, непонятый сверстниками, он рос с ощущением, что справедливость — это фикция, а единственный, кому можно доверять, — таинственный голос в его голове. Когда интриги и заговоры Охотников приведут к невосполнимой потере, Минхо придётся сделать последний выбор: остаться чудовищем, которым его сделал этот мир, или принести себя в жертву, чтобы наконец получить ответ на вопрос, мучивший его всю жизнь. Это жёсткая драма о взрослении и травме на фоне непрекращающейся бойни, где единственный способ выжить — стать монстром. Предупреждение: история содержит сцены психологического и физического насилия, исследует природу травмы, жестокости и их последствия, и не является пропагандой насильственных действий.

© OUR D., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Запись первая	5
Запись вторая	8
Запись третья	14
Запись четвёртая	21

Dante OUR

Кто Я?..

Запись первая

Вопросы без ответов

Кто я?

Я задаю себе этот вопрос, сколько помню себя.

Кто Я? Для чего появился на свет? Моё предназначение? Каковы мои цели?

Очень много вопросов, на которые никто не даёт мне ответов.

Самое раннее, что я помню: конец 2002 года. Мне пять лет. Я нахожусь в Доме Гильдейского Потомства — Чанё-вон. Повздорил с мальчишкой из моей группы, уже не вспомню из-за чего. Помню только, что он назвал меня отщепенцем. Это слово кольнуло меня. Задело за живое. Рука сама сжалась в кулак и метнулась вперёд. Удар пришёлся прямо сопляку в нос. Хруст. И сразу же — кровь. Алая. Красивый цвет. Она залила всё его лицо. Капала на чистый кафельный пол.

Воспитатели сразу сбежались на его крик. Их голоса слились в тревожный гул: охи, ахи, вздохи. Их руки тянулись к тому мальчишке, вытирали кровь, прижимали тампоны к носу, успокаивали. Никто не взглянул на меня. Никто не задал мне вопрос. Ни один из них. Абсолютно все принялись жалеть его, а меня ругать. Обвинения сыпались на меня, заставляя съёживаться.

— Как ты мог?

— Дикарь!

— Немедленно извинись!

«За что?» — промелькнула мысль в голове. Я ведь защищал свою честь. Я был оскорблён, и обидчик получил по заслугам. Это казалось мне логичным. Правильным. Но их искажённые непониманием и осуждением лица говорили об обратном. Их интересовал только разбитый нос того маленького ублюдка. Мои мотивы. Мои обиды. Они никому не нужны. Я был для них пустым местом.

Родителей вызвали на Совет.

Я знал, что это такое — специальное собрание за закрытыми дверями, где решали судьбу провинившихся. Я ждал в пустом коридоре, прислонившись лбом к холодной стене напротив. Пришли только моя мама — Ан Сона. Отец, Ан Санхёль, не пришёл. До меня доносились обрывки фраз, которые бросал заведующая. Голос мамы звучал тихо. Её отчитывали так, будто это она врезала тому выродку.

Когда мама вышла, я увидел её бледное от усталости лицо. Она молча взяла меня за руку. Её пальцы были холодными. Мы молча пошли домой. Лучше бы она ругала меня. Потому что от молчания я нервничал куда больше. Лишь на полпути она сказала, глядя прямо перед собой:

— Минхо... Лучше бы обошёлся словами. Кулаки — выбор слабого духом.

Я ничего не ответил. А что я мог сказать против этой несправедливости? Я не чувствовал вины. Внутри было только острое чувство обиды. Чувство, что тот сопляк получил гораздо меньше, чем того заслуживал.

По дороге домой мы встретили отца. Он шёл нам на встречу, его шаги были чёткими и быстрыми. Увидев нас, он замедлил ход, рот приоткрылся, чтобы что-то сказать. Но мама сделала вид, что не заметила его, чуть прибавив шаг. Я опустил глаза и сделал тоже самое. Отец стал причиной моей второй, ещё более горькой обиды в тот день. Он не пришёл. Не заступился за меня. Я чувствовал его взгляд на спине, пока мы не свернули за угол.

Вечером я лежал в кровати и смотрел в потолок, по которому ползли тени от фонаря за окном. Я снова и снова прокручивал в голове тот момент. Удар, хруст, лица воспитателей. Был ли я прав? Да. Я уверен в этом. Но почему тогда всё пошло не так? Почему жалели того пацана, а не меня? Может, потому что ему была нужна помощь? Но разве я не заслужил хоть толику сочувствия и понимания? Новые вопросы...

И снова — ни одного ответа.

В голове чётко сформировалась мысль: «Система». Им всё равно. Им не нужно вникать. Раз их не волнует всё это, то и я не буду ломать голову. Это решение принесло странное облегчение. Я повернулся на бок и закрыл глаза, пытаюсь заснуть под шум лёгкого ветра за окном.

Следующее моё воспоминание относится уже к моим шести годам. 2003 год. Школ Нефритового Клинка. Средняя школа по качеству обучения. Не самая лучшая в моём родном городе Кисане, но и не самая худшая. Так мне сказала мама, когда мы покупали школьную форму. Тёмно-синий китель с нефритовой пуговицей у воротника. Ужасный воротник. До сих пор помню, как он натирал мне шею.

В первый день я стоял у двери первого курса и чувствовал на себя множество взглядов. В группе было тридцать детей, считая меня, и я был единственным новеньким. Они все уже были знакомы друг с другом. Сидели, сбившись в кучки, перешёптывались, перебрасывались записками. Возможно, они были из одного Дома Гильдейского Потомства.

Мне было неинтересно это выяснять.

Их лица, казались подозрительно похожими — одинаково оживлёнными, одинаково чужими. Никто из них не внушал мне доверия. И моё предчувствие не обмануло.

Спустя несколько дней, на перерыве, когда я подошёл к учительнице спросить о задании, кто-то сильно толкнул меня в спину. Я едва удержал равновесие. Обернувшись, я увидел его — Хан Вачжина. Он был крупнее большинства наших одноклассников, с толстым, непропорциональным подбородком. Он пытался сделать вид, что это было случайно, разводя руками в наигранном недоумении. Но его ухмылка, кривая и самодовольная, которая не смогла спрятаться на его мерзкой роже, всё выдала.

До боли знакомая ярость закипела во мне. Когда он повернулся ко мне спиной, я без раздумий сделал шаг вперёд, схватил его за воротник и потянул на себя. Хотел, чтобы он упал. А потом без особых усилий добил бы его. Но он не упал. Развернулся с неожиданной проворностью, и его толстая рука потянулась к моей шее. Резкий запах пота ударил в нос. Я инстинктивно вывернулся, ударил его по руке, сделал подножку и толкнул в сторону доски.

У доски снизу была приколочена металлическая плашка для мела. Вачжин ударился об неё щекой. Затем закричал. На его щеке красовался кровавый порез. Крови было не так много, как тогда, в Чанё-воне, но было достаточно.

Достаточно для того, чтобы за этим инцидентом последовала знакомая суета.

Снова вызвали родителей. Снова отец не пришёл. Снова мама, бледная, со сжатыми губами, слушала о том, какой её сын плохой. Мама Вачжина тоже пришла. Она была удивительно маленькой и хрупкой, в сравнении с рядом стоящим сыном. «Как у такой женщины родился такой кабан?» — пронеслось у меня в голове. Но больше, меня удивило её поведение. Она не кричала, не возмущалась. Просто тихо подошла ко мне, опустила на корточки, чтобы быть на одном уровне, и спросила спокойным, усталым голосом:

— Почему ты так поступил?

Я молчал. Уже не имело значения, что я скажу. Мой поступок был фактом.

Их фактом.

Мамы извинились друг перед другом за поведение своих детей. Наставник смотрел на меня с нескрываемым раздражением. Дети в классе перешёптывались, бросая косые взгляды в мою сторону.

Изгой.

И снова, уже в который раз, всплыли те же вопросы: «За что?», «Почему я?». Но к ним прибавился ещё более важный: «Почему за несправедливость по отношению ко мне, остаюсь виноватым я?».

В тот вечер я сделал вывод.

В том возрасте он казался мне правильным.

Если система всегда принимает сторону того, кто громче кричит или выглядит более пострадавшим, если сопротивление только усугубляет вину, то, может быть, не сопротивляться? Может, стоит принять эти правила?

Проверка теории не заставила себя ждать.

Через неделю в школу приехал передвижной зоопарк. Детей и их родителей рассадили в общем холле. Воздух пропах животными. Рядом со мной, к моему удивлению, сидел отец. Он молча уставился куда-то перед собой.

Я пытался наблюдать за животными: обезьянкой в красной жилетке; попугаем, повторяющим бессмысленные слова; крокодилом, которому пасть замотали скотчем. Но моё внимание рассеивалось. Мальчишка, сидевший прямо перед мной, что-то оживлённо обсуждал со своим соседом. И вдруг, тот обратился к нему, явно коверкая имя:

— Эй, Рамён, смотри!

Нелепое прозвище, как название лапши. Я фыркнул. И этого хватило.

Мальчишка резко обернулся. Его лицо исказилось от мгновенной злости.

— Надо мной смеёшься? — Прошипел он. Его глаза сузились. — Я тебе челюсть выбью, урод!

Я, инстинктивно, повернулся к отцу. Ждал, что он что-то скажет. Хоть слово. Хоть окрик. Хотя бы взгляд. . . Он ведь должен был защитить. Он же сидит рядом и точно слышал.

Но отец не шелохнулся. Он не отвёл взгляда от сцены с дрессировщиком, его лицо оставалось абсолютно каменным.

В тот момент внутри что-то надломилось. Я помню это чувство. Сковывающая обида разлилась по всему телу, достигнув сердца. Я понял. Я был совершенно один. На этого человека, что звался моим отцом, нельзя было положиться. Он не станет защищать меня. К сожалению, я потратил слишком много лет, чтобы понять, насколько этот человек чужой для меня.

Я медленно перевёл взгляд обратно на мальчишку. Смотрел на него уже не со страхом или гневом, а с холодным безразличием. Он что-то ещё бормотал, тыча в мою сторону пальцем, но я пропустил мимо ушей.

После этого он гнобил меня каждый день. Колкие слова, подножки, украденный из сумки завтрак. Я не реагировал. Никто не вмешивался. Система молчала. А я принимал это как факт, наблюдая за всем вокруг.

А когда наступило лето, школа опустела. И гнёт временно отступил, оставив после себя лишь тишину.

Вопросы...

Их стало больше, и к ним никто не искал ответов. Всем было плевать на меня. Никто не хотел помочь, защитить, предостеречь. Все просто наблюдали за тем, как я медленно и неотвратимо становлюсь монстром.

Запись вторая

Тот, кто наблюдал за мной

Перемены пришли в 2004 году.

Мы переехали из тесной квартиры в Кисане, в небольшой дом на окраине города. Но главным событием для меня стало то, что в нём было — это Лорд.

Немецкая овчарка. Он лежал на потёртом коврикe у конуры, прикованный цепью к толстому железному пруту, когда я впервые увидел его. Лорд поднял голову, и я увидел его взгляд. Карие, умные глаза, в которых не было и капли рабской покорности. Он спокойно наблюдал за мной, пока я стоял, замерев на пороге. Родители в это время что-то обсуждали.

— Оставим. Для мальчика он будет полезен. — Сказала мама. Отец молча кивнул, его взгляд скользнул по псу без особого интереса.

Сначала я боялся его. Мне было всего семь, а пёс казался мне гигантом. Его холка была мне почти по грудь, а лапы были размером с мою руку. Цепь, пристёгнутая к ошейнику, звякала при каждом движении. Но по тому, как он вилял хвостом, едва услышав мои шаги, казалось, он её просто не замечает.

Мы привыкали друг к другу постепенно. Сперва я осторожно протягивал руку, позволяя обнюхать. Потом таскал еду с кухни. Через неделю я уже сидел на корточках рядом с его конурой, читая вслух какую-то книгу, а он лежал, положив тяжёлую голову мне на колени, и слушал. Его дыхание было глубоким и ровным. Когда Лорд был рядом, внутри меня утихала вечная, тревожная какофония вопросов. Мне не нужны были другие друзья. Самый преданный из всех ждал меня дома. Я знал, что он никогда не обидит и всегда будет рядом.

С того момента, как я сблизился с Лордом, понял: собака — это лучшее создание в мире. В её верности нет обмана. В её преданности нет скрытых условий. Она любит не за что-то, а вопреки. И ничего не просит взамен. Только такую же простую и безоговорочную преданность.

Но родителей это беспокоило. Точнее только маму. А если ещё точнее, то её раздражало, что я не стремлюсь к «нормальному» общению. Что не бегу гулять на улицу с другими детьми, а сразу иду к Лорду.

— Ты должен общаться со сверстниками, — говорила мама, устало протирая лицо ладонями после долгой смены. Она и отец работали Охотниками, часто были на выездах.

— Не хочу! — Был мой неизменный ответ.

Этот аргумент не имел для неё веса. Он был ребяческим, а значит — несерьёзным.

Мне всё время велели «выйти на воздух». Приходилось брать велосипед — старый, с потёртым седлом — и просто кататься по нашей длинной, ухабистой улице от одного конца до другого. Туда-обратно. Монотонный ритм, свист ветра в ушах, пыль из-под колёс. Это была не прогулка, а отбывание наказания.

В один из таких дней, возвращаясь к дому, я увидел отца. Он выходил из калитки, что-то поправляя на рубашке. Я хотел подъехать, спросить, куда он собрался. И в этот момент навстречу мне вышли двое мальчишек. Один — примерно моего роста и возраста, с дерзко вздёрнутым подбородком. Второй был мельче, младше, года на два, копия первого, только в миниатюре.

Я прижался к краю дороги, чтобы не задеть их. Но когда я поравнялся со старшим, он, даже не изменив выражение лица, резко и сильно толкнул меня в плечо. Всё произошло слишком быстро. Я вылетел с велосипеда, инстинктивно закрывая голову руками. Проехался по

грубой, шершавой дороге всем телом. Кожа сильно ободралась на руках и ногах. Почувствовал жгучую, пульсирующую боль в содранных до мяса местах.

Первое, что я увидел, подняв голову, — их лица. Они смеялись. Искренне, от души. Младший даже притопывал от восторга. Они смеялись даже когда уходили. Злость. Всё, что я мог испытывать в тот момент — злость. Но, невольно, мой взгляд метнулся в сторону калитки.

Отец стоял там. Он видел. Он всё видел. От начала и до конца. Его руки были в карманах. А лицо не выражало ничего. Ни гнева, ни беспокойства, ни даже простого удивления. Просто смотрел.

В горле встал ком, перекрывающий дыхание. Слёзы хлынули сами. Противные. Предательские. Смешались с грязью на лице. Я встал, поднял велосипед. Колени дрожали, по рукам стекала кровь. Я подкатил велосипед к отцу, остановившись перед ним.

— Чего смотришь? — Мой голос сорвался на крик, хриплый от слёз. — Ты же мой отец... Ты должен защищать меня, если я сам не могу! Почему ты просто стоишь и смотришь?

Он медленно перевёл на меня взгляд. Кроме пустоты в них, я больше ничего не увидел.

— Надо было встать и дать сдачи, — произнёс он ровным, будничным тоном. Развернулся и пошёл прочь, в сторону.

Я стоял на улице, с окровавленными руками и ногами, с велосипедом, который вдруг стал невыносимо тяжёлым. Мысли в голове не то что роились — они бились, как пойманные бабочки в коробке: «Неужели таким должен быть отец?»; «Так у всех?»; «Всем отцам плевать на своих детей?».

Дома никого, кроме меня, не было. Мама на работе, потом должна пойти на учёбу — она пыталась получить повышение. Жаловаться было некому. Я промыл раны под ледяной водой, шипя от боли. Сделал себе перевязки и вышел во двор. Лорд, как всегда, услышав мои шаги, встал. Я сел рядом с ним. Он обнюхал мои перевязанные бинтами руки, ноги. Ткнулся холодным носом мне в щёку, уловив запах моих слёз. Я смотрел в его глаза и видел в них то, чего не видел в глазах отца: сострадание, обиду за меня. «Неужели собаке я более равнодушен, чем собственному отцу?» — промелькнула мысль.

На следующее утро я не собирался никуда выходить. Пусть родители делают со мной что хотят. Вышел во двор, чтобы поиграть с Лордом. И застыл на месте.

На земле лежала цепь. Пса не было.

Сердце заколотилось так быстро, что я перестал чувствовать его. Паника, острая и слепая, сжала горло. Я смотрел по сторонам, озирая двор — может, он просто спрятался? Нет. Калитка была приоткрыта. Родителей не было дома, уехали на смену ещё затемно.

Я метался по знакомым местам: пустырь за домом, кусты акации у забора соседей, тёмный проулок между гаражами. Мой единственный друг пропал. Я громко кричал, срывая голос:

— Лорд! Лорд!

В ответ — лишь шум ветра и гул где-то вдали. Ком в горле рос, слёзы застилали взгляд. Я боялся. Очень сильно боялся, что больше никогда не увижу этих умных карих глаз. Не почувствую тяжёлую голову на коленях. Я безумно испугался, что потерял своего единственного друга навсегда.

И тогда я услышал детский крик, полный ужаса:

— Уйди! Фу! Отстань!

А за ним — низкий, яростный лай, который я всегда узнаю.

Я побежал. Ноги сами понесли меня. Спотыкался о кочки, не чувствовал боли в содранных коленях. Я почти не дышал, в ушах стучала кровь. За поворотом, я увидел их.

Лорд. Он стоял, широко расставив лапы, оцетинившись. Зубы были обнажены, из горла вырывалось рычание. А перед ним, прижавшись спиной к ржавому забору, были те двое — те мальчишки. Лицо старшего побледнело от страха. Младший плакал, уткнувшись в брата. Лорд не нападал. Он лишь не давал им уйти. Не давал сдвинуться с места. Он заставлял их

чувствовать тоже, что я почувствовал вчера, — беспомощность. Но его рык был предвестником беды, которая вот-вот может случиться.

Облегчение, хлынувшее на меня, было таким сильным, что на мгновение потемнело в глазах. Он цел. Он жив. С ним всё в порядке. Но внезапно, прямо у меня за спиной, прозвучал голос.

— Пусть он порвёт их. Отгрызёт руки, которыми они толкнули тебя. Пусть вопят от боли. Пусть сдохнут!

Я резко обернулся. Никого. Показалось? Или это были мои мысли? Неважно. Но слова были такими соблазнительными. Я даже представил это на секунду. Хруст, кровь, крики. Справедливость. Они должны получить то, что заслужили.

Нет!

Если Лорд это сделает... Его пристрелят... Как бешеную собаку... Его навсегда отнимут у меня...

— Лорд! — Позвал я, но голос сорвался. Пёс не отреагировал, всё его внимание было приковано к мальчишкам.

Я сделал шаг вперёд. Ещё один. Медленно. Осторожно.

— Лорд... Друг... Это я... Слышишь? Всё хорошо.

Я приблизился к нему почти вплотную, протянул дрожащую руку. Коснулся шерсти на его загривке. Он вздрогнул, на мгновение прервав рык, и повернул голову. В его взгляде всё ещё бушевала ярость, но я понял, что Лорд узнал меня. Он коротко кивнул хвостом, ткнулся носом в мою ладонь, и снова рявкнул в сторону мальчишек, но уже не так грозно.

— Всё хорошо... — Бормотал я, опуская руку на его ошейник. Потянул. Он сопротивлялся пару секунд, скаля зубы на них, но потом позволил себя увести. Мы пошли прочь, оставив мальчишек у забора. Я не взглянул на них. Был сосредоточен на тёплой шерсти под ладонью, которой гладил Лорда. На ритмичном звуке его шагов рядом.

Он решил защитить меня.

Наказать моих обидчиков.

В отличие от отца.

Вернувшись домой, Лорд лёг и тяжело вздохнул, словно проделал тяжёлую работу. Я пристегнул цепь к его ошейнику и погладил по голове. Он хорошо постарался.

Стук в калитку.

Пёс мгновенно вскочил и залаял. Мне не хотелось открывать, но стучали настойчиво. Пришлось подойти.

— Кто?

Молчание.

— Это мы... — Сказали дрожащим голосом. — На кого лаяла твоя собака.

Любопытство. Тёмное любопытство. Именно оно заставило меня открыть калитку, а не послать пришедших. Иначе я не могу объяснить свой поступок.

Передо мной стояли они. Бледные, испачканные, с опухшими от слёз глазами. Они больше не смеялись надо мной, им больше не было весело. В их глазах я видел лишь страх и вину.

— Меня зовут Ю Гольхён, — представился старший, немного заикаясь. Всё ещё боялся? Затем он кивнул на младшего, который стоял за его спиной. — А это мой младший брат, Ю Исон. Прости нас... За то, что толкнули тебя. И... Спасибо... Что оттащил свою собаку.

Я пытался понять. Найти подвох. Они не производили впечатления, что способны на извинения. Скорее... Усвоили урок через страх. Гольхён переступал с ноги на ногу.

— Давай дружить? — Выпалил он.

— Хорошо. — Я удивился, услышав это слово, произнесённое мной. Оно вылетело против моей воли. Во мне в тот же миг разразилась война двух сторон. Одна, тёмная и холодная, шипела, что они не заслуживают этого. Другая устала. Устала от одиночества.

Гольхён и Исон с облегчением пробормотали «пока» и почти побежали прочь. Я закрыл калитку и вернулся к Лорду. Он посмотрел на меня с полным недоумением. Я опустился на колени рядом с ним, обнял, прижавшись лицом к его грубой шерсти.

— Не вздумай больше так делать, хорошо? — Прошептал я, глядя ему в глаза. — Понял?

Лорд тихо вздохнул, высунул язык и лизнул мне щёку. Он всё понял. Я точно знал. Он был единственным, кто понимал меня по-настоящему.

Оставшиеся летние дни текли медленно, однообразно. Я просыпался, завтракал, шёл во двор играть с Лордом. Потом приходили Гольхён и Исон, и мы уходили на заброшенную стройку. Прыгали по крышам низких гаражей, слушали, как мнётся ржавый профнастил под ногами, прятались в тёмных подвалах. Вечером я возвращался домой. Снова играл с Лордом, умывался, ужинал, смотрел что-то по телевизору и ложился спать. В этой рутине было какое-то успокоение. Я, как будто, выполнял заложенную в меня программу. Не думал.

Но лето закончилось. Пришлось возвращаться в Школу Нефритового Клинка. Энтузиазма не было, но и прежнее отчаяние тоже пропало. Одиночество больше не было абсолютным. Появилась уверенность, что после уроков я встречу с Гольхёном и Исоном, и мы куда-нибудь пойдём. Но первый день не мог пройти гладко. На перерыве между уроками ко мне снова прицепился На Мён. Тот самый, с прозвищем «Рамён». Он подошёл ко мне, когда я стоял один у окна, и толкнул плечом.

— Что, ублюдок, опять один?

Старая злость проснулась во мне. Я понимал, что отвечать было бесполезно. Я просто смотрел на него, стараясь держать выражение моего лица равнодушным. Но вдруг сбоку возникла тень. Гольхён. Он молча встал между мной и На Мёном, не говоря ни слова. Он просто уставился на него. Сосунок что-то пробормотал, брезгливо скривился и пошёл прочь. Больше он не осмеливался ко мне подойти.

— Я в его группу перевёлся, — пояснил Гольхён, когда На Мён скрылся за поворотом. — Я с ним поговорю. Будет знать, как себя вести.

Я кивнул. Внутри появилось ощущение защиты. Удивительно. Я рассчитывал получить её от взрослых, а не от такого же, как я.

Первые месяцы учёбы прошли в шатком равновесии. Гольхён начал предлагать сбежать с уроков. Сначала это казалось приключением. Мы заскакивали в маленький магазин, который находился через дорогу, покупали пару пачек солёных сухариков и бутылку газировки. Бродили по улицам. И Гольхён говорил. Обо всём. О глупых учителях, о скучных родителях, о фильмах, которые смотрел. Я в основном молчал, кивал, жевал сухари. Мне это всё казалось странным. Я бы не назвал наше общение дружбой, как в книгах. Это больше походило на совместное времяпровождение. Но оно было лучше, чем полная изоляция.

Вскоре начались жалобы. Учителя звонили родителям. Вечером были разговоры.

— Почему ты сбегаешь? — Спросила мама. Её лицо, как всегда, было бледным от усталости, под глазами — тёмные, чёткие мешки.

В ответ я молчал. Что я мог сказать? Мне скучно? Гольхён позвал? Это не было веской причиной. Для неё важны долг, дисциплина, прилежание.

— Ты должен учиться, — сказала мама. — Я не могу разорваться между работой и слежкой за твоим поведением.

Я снова молчал. Это её раздражало. Моё молчание было для неё стеной. И мама не знала, как сломать её.

Но мои побеги продолжились, и разговоры сменились криком. Даже отцу пришлось вмешаться. Мама заставила его принять участие в моём воспитании. Крики тоже оказались бес-

полезны, и появились наказания. Отец велел встать на колени посреди гостиной и держать над головой сумку, набитую учебниками. Сначала было легко. Потом руки начинали ныть. Потом — дрожать. Потом — гореть. Мускулы вздрагивали сами по себе. Я смотрел в одну точку на обоях, стиснув зубы. А когда руки падали, не выдержав напряжения, всё начиналось сначала. В какой-то момент слёзы начинали течь из глаз от боли и унижений.

— Только на это и способен! — Кричал я отцу.

За моим криком следовали удары. Хоть отец и бил ладонью, было невероятно больно. Его рука была тяжёлой. Лорд, слышав шум, рвался с цепи, глухо и тревожно лаял.

После нескольких таких вечеров я хотел отказаться от следующего побега.

Спустя несколько дней мы стояли у школы, обсуждая это.

— Не могу, — сказал я Гольхёну, глядя в сторону.

Он усмехнулся. Его улыбка показалась мне какой-то ехидной.

— Зря, — протянул он. — Такое пропустишь...

— Что я могу пропустить? — Я попытался вложить в голос ту же усмешку, но вышло плохо. — Ещё один вечер тренировки рук?

— Нет... — Ответил он и огляделся. Сделал шаг ближе и прошептал. — Гляди, что у меня есть.

Он полез во внутренний карман своей поношенной куртки и достал сигарету. Смятую, чуть надломленную. Держал её осторожно, как тяжело добытый трофей.

— Ты куришь? — Удивился я. Никогда не видел, чтобы он курил.

— Старшие угостили, — ответил он с гордостью от приобщения к взрослому миру. — Если хочешь попробовать, пошли...

Внутри забушевал знакомый хаос. Две бури. Одна — осторожная, та, что помогала выставлять на коленях с тяжелой сумкой над головой. Другая — тёмная, любопытствующая. Та, что представляла, как Лорд рвёт моих обидчиков на куски. Они столкнулись в борьбе за право выбора. Гольхён смотрел на меня, ждал ответа, улыбка не сходила с его лица. Он был проводником в другой мир, где не было ни наказаний, ни давящей тоски.

— Ладно, — ответил я наконец.

Мы снова сбежали с уроков. Отойдя приличное расстояние от школы, к нам присоединился Исон, всегда следующий за братом. Мы направились на наше место на заброшке. Это был полуразрушенный гараж, стены были исписаны грубыми граффити, пол усыпан битым стеклом и окурками, оставленными кем-то.

Гольхён с церемониальной важностью достал спички. Прикурил сигарету, затянулся. Дым вырвался из его ноздрей струйками. Он делал это слишком естественно, будто далеко не в первый раз. Потом протянул сигарету мне.

— Втягивай дым, а затем резко вдохни, — проинструктировал он.

Я взял её. Бумага была шершавой, фильтр слегка влажным. Я поднёс сигарету к губам, затянулся, как сделал он, и резко вдохнул.

Горло обожгло едкой горечью, я закашлялся. Мир на секунду поплыл. Гольхён и Исон рассмеялись, глядя на меня. Не злорадно, а как-то облегчённо. Я разделил эту глупость вместе с ними. Голова вдруг стала лёгкой и пустой. Мой маленький, личный бунт, который никто не видел.

Мы просидели там, передавая сигарету по кругу, пока от неё не остался лишь крошечный, обжигающий палец, окурочек.

Возвращались мы уже затемно. Дорога шла через узкую аллею между высокими домами. Мы шли, толкаясь плечами, и я всё ещё чувствовал во рту противный привкус табака.

Из-за угла резко выбежал мужчина. Он появился так внезапно, что мы едва успели отпрыгнуть в сторону. Мужчина был лысый, в рваной, грязной одежде. На его блестящей от пота коже черепа, был тёмный рубец — запёкшаяся кровь. Он пробежал мимо, не взглянув на

нас, грубо оттолкнув, чтобы расчистить себе путь. В нос ударила вонь от него. Мужчина исчез в темноте следующего переулка так же внезапно, как и появился.

Мы замерли, уставившись в пустоту, где он скрылся.

— Мы вчера фильм смотрели... — Тихо, после паузы, сказал Гольхён. — Там тоже пацаны вот так вот шли, и мимо них пробежал избитый мужик, толкнув их. Потом у них появились силы.

— Силы? — Спросил я. Я представил, как реальность смешивается с киношной картинкой.

— Ну... Суперсилы. Один там огнём управлять начал, другой ветром. Пробудились, короче.

Я вспомнил несколько фильмов, которые смотрел по телевизору. Яркие, громкие истории об Охотниках. О том, как обычные люди в один миг становились сильнее, обретали мощь, и больше никогда не позволяли ставить себя на колени.

— И что? У нас теперь тоже есть силы? — Мой голос прозвучал серьёзно, почти деловито.

— Ну, проверь. Попробуй управлять ветром.

Я задумался на секунду. Представил, каково это. Решительно махнул рукой снизу вверх, приказывая ветру подняться.

И в тот же миг сорвался порыв ветра, закружив в воздухе сухие листья. Он был сильным, неожиданным.

Конечно, это было совпадение. День был ветреным. Но мой детский, впечатлительный мозг, сдобренный лёгким никотиновым головокружением, не искал причинно-следственных связей. Он видел факты. Я махнул рукой — ветер ответил.

Мы дошли до развилки. Попрощались. Гольхён и Исон свернули к себе, а я пошёл прямо. Оставшийся путь я проделал в каком-то странном состоянии. В голове было множество мыслей, они путались. Но в центре была всего одна, кристально ясная: «Теперь у меня есть сила? Теперь меня никто не посмеет обидеть?». Я представлял, как останавливаю На Мёна взглядом. Как отец замирает на месте, не в силах поднять на меня руку. Как мы с Лордом, настоящие Охотники, шагаем по улицам, и все расступаются.

Погружённый в фантазии, я не заметил, как дошёл до дома. Лорд, услышав меня, зашевелился. Он радостно завилял хвостом, потянулся, чтобы встретить меня. Я подошёл, опустился перед ним на корточки, протянул руку, чтобы почесать за ушком. Он потянулся носом, обнюхивая, и вдруг резко чихнул. Ещё раз. Отстранился, замотал мордой, фыркая, и сделал шаг назад. Его умные глаза смотрели на меня с лёгким недоумением. Он явно отстранялся от запаха, который я принёс с собой.

— Не нравится? — Тихо спросил я. Меня пронзило острое разочарование. Этот запах, это маленькое изменение во мне — и даже он, самый верный, делает шаг в сторону. — Прости, друг... — Прошептал я, глядя его по холке. — Обещаю, больше не повторится.

Вечером я поужинал в тишине. Родители были погружены в свои мысли. Потом я лёг спать, но заснуть не получалось. Фантазии переплетались с обрывками дневных впечатлений, становясь ярче, реальнее. Я уже почти провалился в сон, где я был всемогущ.

И тогда прозвучал голос.

— Хочешь обладать силой, пацан? А духу хватит?

Я резко открыл глаза. В комнате было темно, только слабый свет фонаря с улицы пробивался сквозь щели в шторах, отбрасывая на стену длинные, искажённые тени.

Я не закричал. Не позвал родителей. Я просто лежал, не в силах пошевелиться, вцепившись пальцами в одеяло, и смотрел в потолок. Вопросы накрыли с головой: «Что со мной? Кто это говорит?».

С этого дня моя жизнь начала стремительно меняться.

Запись третья

Точка невозврата

Прошла пара недель с той ночи, как я услышал голос. Я не понимал, что это было. Галлюцинация или болезнь. Не смог найти хоть какое-то объяснение. Но этот голос... Он проби-рал до костей.

«Хочешь обладать силой, пацан? А духу хватит?».

Это слова вцепились в мой мозг.

После того раза он больше не появлялся. Я не стал никому рассказывать. Тем более роди-телям. У них и без того хватало проблем.

Они стали часто ругаться. Поводы были разные, но все они сводились к одному общему итогу. Отец и деньги. Сначала он купил сотовый телефон. Через месяц принёс домой компью-тер — громоздкий системный блок, монитор, клавиатуру, мышку. Это стало последней каплей для мамы.

— У нас и так не хватает денег. Каждая копейка уходит на еду. А ты спускаешь всё на этот хлам! — Кричала она, тыча пальцем в сторону техники, стоявшей на столе в гостиной.

Отец молчал. Сидел на диване, уставившись в точку на стене. Его молчание раздражало маму ещё больше. Не скажу, что мы жили в бедности, но каждый вон был на счету. Поэтому я прекрасно понимал мамину позицию. Понимал и её новый страх, когда отец начал пить. Он стал приходить домой пьяным, почти каждый день. Иногда едва держался на ногах. Споты-кался о порог, вползал в прихожую, тяжело дыша и разнося вокруг запах перегара.

У мамы кончилось терпение в один из вечеров декабря. На часах было восемь. Отец должен был вернуться с работы в пять. Мы с мамой ужинали в тишине. Потом она убрала со стола, а я сел на кровать в своей комнате почитать книжку. В половине девятого дверь распахнулась.

Он ввалился в прихожую, стараясь сохранить равновесие. Тяжело дышал, опираясь о косяк. Я замер. Боялся пошевелиться. Старался не привлекать внимание к себе. Отец, поша-тываясь, прошёл на кухню. Я слышал, как он уселся на стул. Сложно было не услышать его несколько попыток это сделать. Несколько минут стояла тишина. Потом он заорал хриплым голосом.

— Где еда? Что я должен жрать? Я с работы пришёл, а жрать нечего!

Мама игнорировала. Тогда он заорал снова, ещё громче. Начал хлопать дверцами кухон-ного гарнитура. Эхо ударов звонко пролетело в моей комнате, что была напротив. И с каждым ударом страх во мне рос с бешеной скоростью. Я съёжился на кровати, вжавшись спиной в стену. Так хотелось стать меньше, незаметнее... Отец не унимался. Он кричал что-то бессвяз-ное. В чём-то обвинял маму. Бил кулаком по столу.

Мама продолжала игнорировать его.

Потом я услышал, как он встал, прошёлся по кухне тяжёлыми шагами. Входная дверь распахнулась, отец вышел на улицу. Мама быстро подбежала к двери, закрыла её и повернула ключ в замочной скважине.

Десять минут.

Снаружи послышались шаги. Отец попытался открыть дверь.

Удар.

— Открывай! — Заорал отец.

Ещё удар.

— Слышишь? Сона? Открой!

Он колотил в дверь. Я сидел, обхватив колени, и смотрел на тонкую перегородку, за которой царило это безумие. Удары были сильными, яростными.

— Думаешь, закрыла, и я не зайду? — Стук прекратился. — Ну, сука, подожди! — Его голос стал тише.

Я понял, что он ушёл, но облегчения не почувствовал.

Раздался новый удар. Он расколол дерево. Топор.

— Минхо! Живо сюда! — Крикнула мама.

Я выбежал в гостиную. Мама стояла там, бледная, но собранная. Она схватила меня за руку и толкнула за свою спину. Ещё удар топором — в двери появился острый кончик лезвия, а за ним — щель. Снова удар — щель стала больше. Через неё я увидел безумное лицо отца.

Он остановился. Сунул руку в дыру, нащупал замочную скважину. Щелчок. Дверь распахнулась.

Отец... Нет. Не могу назвать его этим словом. Он стоял на пороге, с топором в руке. Его глаза скользнули по маме, потом по мне, сжавшемуся за её спиной. В его взгляде не было ни осознания, ни раскаяния. Потом он просто повернулся и, тяжело шагая, пошёл на кухню.

— Быстро собирайся к бабушке, — прошептала мама, не оборачиваясь. Её голос дрожал.

Я быстро пробежал в свою комнату. Натянул на себя первое, что попало под руку: джинсы, кофту, куртку. Руки тряслись. Я слышал, как мама делает то же самое. Собравшись, мы выскочили на улицу. Лорд стоял у конуры, его уши были прижаты, а в глазах — беспокойство. Я захотел отстегнуть его, взять с собой.

— Нет времени! — Резко сказала мама, сжимая мою руку. Она потянула меня за собой. Я оглянулся в последний раз. Лорд смотрел нам вслед, молчал. Ему, наверное, тоже было страшно.

Мама шла молча, крепко держа меня за руку. Лишь когда мы свернули на вторую улицу, я услышал тихие, прерывистые всхлипы. Она плакала. Я старался не думать. Не думать о топоре. О его глазах. О том, что могло бы случиться, если бы он пошёл не на кухню, а в нашу сторону. О том, что я бросил своего единственного верного друга.

Дорога заняла пятнадцать минут. Дом был старым, одноэтажным. Бабушка открыла дверь почти сразу, как будто ждала. Выражение её лица было напряжённым. За ней в коридоре маячила фигура дедушки. Они молча впустили нас внутрь. В доме пахло пирогами.

— Иди в гостиную, — сказала мама, в её голосе снова появилась твёрдость. — Всё будет хорошо.

Я прошёл в знакомую комнату с большим диваном, застеленным вязаным покрывалом. Лёг, уставившись в потолок. Тревога начала понемногу отступать, оставляя после себя пустоту и тяжёлую, навязчивую мысль. Я снова и снова прокручивал в голове последние минуты: топор, дыра в двери, его взгляд. «Что было бы, если бы он сразу пошёл к нам? Если бы...».

— Он бы размозжил твою черепушку тем топором. — Прозвучал голос чётко, прямо у меня в голове.

Я не пошевелился, не подал вида. Но внутри всё сжалось. «Неужели он слышит мои мысли?» — пронеслась мысль, быстрая и ясная.

— Да. — Пришёл мгновенно ответ.

Это был тот же голос, что спрашивал о силе. В гостиной было тихо, только тикали старые часы. Никого вокруг не было.

— Удобно, правда? — Продолжил голос, и я уловил в его интонации насмешку. — Никто, кроме тебя, не слышит меня. И самому не нужно разговаривать вслух.

Я лежал неподвижно, глядя в потолок, но всё моё внимание было сконцентрировано на этом диалоге. Страх перед голосом пропал. Осталось только любопытство. Я тщательно подбирал слова, прежде чем сказать.

— *Кто ты?*

— Называй как тебе удобно. Я пойму, что ты обращаешься ко мне, — ответил голос, игнорируя суть вопроса.

— *Я не об этом спрашивал. Но...*

Я задумался. Как назвать его? Кто он? Призрак? Просто голос? Существо? В голове всплывали обрывки из книг, фильмов, в которых были имена. Но одно возвращалось снова и снова, настойчиво. Джин Хо. Звучало странно, незнакомо, но в то же время — правильно. Как будто это имя и должно быть у этого существа.

— *Я буду звать тебя Джин Хо,* — мысленно сказал я.

— Хорошо, — немедленно отозвался голос. — Раз ты дал мне имя, я отвечу на твой вопрос. Пока абсолютно неважно, кто я. Тебе будет лишь достаточно знать... Я — то, что ты так упорно пытаешься подавить в себе.

Ответ повис в моём сознании. Он ничего не объяснил. Только дал лишнюю информацию для размышлений. В нём было что-то пугающее. Я чувствовал, что злость на отца, равнодушие, с которым я смотрю на будущее, та самая часть с тьмой, которая шептала, глядя на Лорда и моих обидчиков — это всё он.

— *И как мне это понимать?* — Спросил я, стараясь сохранить внутреннюю дистанцию.

— Как хочешь... — Ответил Джин Хо, и на мгновение мне показалось, что он фыркнул.

Мы с мамой так и остались жить у бабушки с дедушкой. С той самой ночи Джин Хо больше не покидал меня. Он стал моим постоянным спутником. Моя жизнь незаметно перестраивалась вокруг него. Любой конфликт, малейшее разногласие — он тут же предлагал решить просто и быстро, жестоко. Иногда его доводы казались такими логичными, что сопротивляться было трудно. Пришлось научиться игнорировать его. Но слышать Джин Хо я не переставал никогда.

В следующий раз я увидел отца весной 2005 года. Каким бы он ни был, я скучал. Сейчас даже не понимаю почему. Возможно, по тому призраку отцовства, который маячил на горизонте воспоминаний. Возможно, по иллюзии нормальной семьи, которую не смогли сохранить. В апреле он связался с мамой и сказал, что хочет провести со мной время. Мама спросила у меня, хочу ли я этого. Я сказал, что не против. В основном потому, что соскучился по Лорду.

Когда я вошёл во двор нашего дома, сердце сжалось. Из конуры вышел Лорд. Мой Лорд. Мой друг. Он замер на секунду, уставившись, как будто я был для него таким же сном, как он для меня. Он рванул ко мне, поднялся от радости на задние лапы, а передними упёрся мне в грудь, облизывая лицо. Он скулил, вилял хвостом. В его глазах я прочитал то же, что чувствовал сам — я скучал по нему, и без него было невыносимо одиноко. Я обнял моего друга, уткнулся лицом в грубую шерсть.

Часа два мы провели во дворе. Я кидал ему потрёпанный мяч, он приносил, мы сидели на ступеньках крыльца, и я тихо рассказывал ему обо всём, что случилось за это время. О жизни у бабушки, о Джин Хо. Он слушал, положив голову мне на колени, и внимательно смотрел мне в глаза из-под лобья.

— Думаешь, он понимает тебя? — Усмехнулся Джин Хо. Его голос прозвучал громко, нарушая умиротворение.

— *Я уверен в этом. Если не нравится, можешь не слушать,* — парировал я мысленно, поглаживая Лорда по голове.

Потом отец позвал обедать. Он сварил рамен, дешёвую лапшу. Разлил по тарелкам. Мы ели на кухне, молча, за столом, за которым когда-то собирались втроём. Отец избегал моего взгляда, уставившись в тарелку.

— Даже не постарается? После этого, он смеет называть себя отцом? Так он хотел провести время? — Возмутился Джин Хо.

— *Согласен... Если бы не Лорд, я бы и не пришёл. На что я надеялся?* — Внутри всё кипело. Эта встреча была пустой, бессмысленной формальностью.

Вечером, попрощавшись с Лордом, я ушёл обратно к бабушке. Отец даже не вышел. Ничего нового и необычного в тот день не произошло. Поэтому трещина, пролежавшая между мной и отцом, стала шире.

В мае, когда я в следующий раз пришёл по его просьбе, я увидел в доме незнакомую женщину. О ней я запомнил лишь одно: тупое, мерзкое лицо. Она сидела на нашем диване в гостиной. Одета слишком нарядно для этого места. Отец, застигнутый врасплох, засуетился, попытался что-то объяснить, бормоча про «друга», про «случайный визит».

— Не успел выпроводить до нашего прихода? — Смеялся Джин Хо.

Я не стал слушать отца. Развернулся и вышел, хлопнув дверью.

По дороге к бабушке я думал, стоит ли рассказывать маме. Ей будет больно. Обидно. Выбьет её из равновесия, которое только-только начинало возвращаться. Мысли путались. Но когда мама увидела меня, она словно почувствовала неладное. Женская интуиция.

— Как там отец? Нашёл себе кого-нибудь? — Спросила она, едва я переступил порог.

Я удивился. Она безошибочно угадала. Я не попытался увильнуть или как-то смягчить новость для неё. Сказал как есть:

— Да... Мам...

Я не знал, что ещё можно было сказать. Да я бы и не успел. Её реакция была мгновенной. Она молча переделалась и почти побежала в сторону нашего дома. Я кинулся за ней, но не мог угнаться.

Когда я, запыхавшись, подбежал к нашему дому, мама уже колотила кулаками в дверь, требуя, чтобы отец открыл. Её удары были сильными, отчаянными.

— Открой! Немедленно открой! Я знаю, что ты там!

Дверь распахнулась. Отец, красный от гнева и смущения, грубо оттолкнул её.

— Убирайся! Не твоё дело!

И дверь захлопнулась перед маминым лицом. Она снова начала колотить в неё, сдавленно рыдая.

— Он перешёл границы... — Прошипел Джин Хо, его голос был низким, вкрадчивым.

— Мы должны наказать его! Оторвать руки, заставить его их сожрать, чтобы в следующий раз он задумался о том, стоит ли их протягивать.

Меня охватил ужас.

Не столько за маму, бьющуюся в истерике у двери, сколько за то, насколько я был согласен с Джин Хо. Эта жестокая, изуверская картина казалась ему справедливым наказанием. А я кивал в такт его словам.

Я увидел, как Лорд, испуганный криками, забился в самую глубь конуры, свернувшись клубком, поджимая уши. Он, как и я, был бессилён перед этим безумием.

Пока я стоял в оцепенении, не заметил, как сзади появились двое в тёмно-синей форме с нашивками в виде перекрещённых клинков. Охотники. Специальный отряд по поддержанию правопорядка. Их вызвала бабушка, пока мы с мамой бежали сюда. Они действовали быстро, без лишних слов. Один мягко и осторожно оттеснил маму от двери, другой, проникнув внутрь дома, вывел отца на крыльцо. Тот выглядел жалко, его бравада испарилась, сменившись испугом и злостью.

Его взгляд упал на меня. Глаза, полные ненависти к собственному ребёнку. Он не сказал ничего маме. Даже не посмотрел на неё. Но сказал мне. Со злобой в голосе:

— Спасибо тебе... Сынок...

Эти слова, пропитанные упрёком и ядом, ударили в самое сердце. Злость внутри, долго сдерживаемая, нашла путь на свободу. Всепоглощающий гнев захлестнул меня. Чего он ожи-

дал? Что я промолчу? Буду прикрывать его измены? Встану на его сторону? С чего бы мне вставать на сторону этого мерзкого, отвратительного, эгоистичного ублюдка?

Всё что я чувствовал — ярость.

В этот момент я и поддался уговорам Джин Хо. С диким криком я бросился на эту падаль, сжимая кулаки, желая разорвать, стереть с лица земли этот взгляд, эти слова, его самого. Один из Охотников перехватил меня на лету, оттащил в сторону и поставил рядом с рыдающей мамой. Я орал, брыкался, но его хватка была железной.

С тех пор, отца я больше не видел. Они с мамой быстро развелись. Дом по решению суда достался маме, но, как мы позже увидели, этот выродок успел вынести из него всё, что не было прибито гвоздями.

Мы не стали там жить. Мама сказала, что не сможет. Мы остались у бабушки, пока шла продажа дома.

Я отстранился ото всех. От мамы, которая погрузилась в свою депрессию. От бабушки с дедушкой, чьи жалостливые взгляды стали раздражать. От Ю Гольхёна, его я просто игнорировал.

— Нам никто не нужен. — Твердил Джин Хо.

— *Будешь бесить, займёшь место рядом с ними.* — Отвечал я ему каждый раз.

— От меня так просто не избавишься...

— *Но могу игнорировать.*

Единственным моим связующим звеном с миром был Лорд. Каждый день я ходил к пустующему дому, приносил с собой еду. Мы сидели во дворе, и я говорил с ним. Рассказывал о своей пустоте в душе, об озлобленности на мир, которая теперь жила во мне постоянно. Он слушал. Он был единственным, кто слушал меня. Не осуждал. Не давал советов. Просто принимал меня.

Я до последнего надеялся, что, когда продадут дом, мне позволят забрать Лорда к бабушке. Умолял об этом. Ничего не вышло. Старые хозяева, которые и оставили его нам, когда продали родителям дом, согласились забрать его назад. Мама сказала, что так будет лучше, что у них есть большой двор, где он сможет свободно бегать, что они друг друга знают.

В тот день, когда они пришли за моим другом, я стоял в стороне и смотрел, как незнакомый мужчина отстёгивает цепь от ошейника. Лорд не сопротивлялся. Он обернулся, посмотрел на меня. И я увидел, как по его тёмной шерсти на морде скатилась слеза. И по моему лицу текли такие же предательские, горячие слёзы. Мы смотрели друг на друга, и оба понимали, что это — конец.

Последняя нить, связывающая меня с чем-то тёплым и живым, оборвалась. Я отчётливо почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло.

После этого я остался с Джин Хо наедине. По-настоящему наедине. И он стал говорить громче. Подначивал воровать у бабушки мелкие деньги из шкатулки, где она хранила сбережения «на чёрный день». Я поддавался. Потому украденное шло на сигареты, которые теперь я курил уже не из любопытства, а чтобы заглушить гул в собственных мыслях. Я ввязывался в драки. Не для защиты. Я нападаю первым. С жестокостью, которой учил меня Джин Хо.

Не было Лорда, чтобы заставить меня всё это бросить. Не было никого, чтобы удержать. Я буквально чувствовал, как эмоции во мне угасают. Как я перестаю испытывать жалость или сострадание к кому-либо. Со дня побега от отца во мне копилось слишком много боли, злости, разочарования. Я хотел, чтобы и все остальные вокруг меня чувствовали тоже. Мне было всё равно на последствия. Даже когда дедушка, обнаружив пропажу денег, впервые в жизни ударил меня — шлёпнул ладонью по лицу так, что в ушах зазвенело, а на скуле расцвёл синяк, — я не почувствовал ни стыда, ни обиды.

Я перестал ходить в школу. Дни напролёт слонялся по улицам, иногда с Гольхёном, чаще один.

Вспоминая то время теперь, я даже удивляюсь, как я смог закончить школу. Мастера и наставники звонили, мама ходила на унизительные беседы.

Жизнь с того момента стала пустой. Бесцветной. Джин Хо стал единственным спутником.

Но в 2012 году, спустя долгие семь лет этого внутреннего распада, появился первый проблеск. Случайный, как и всё в этой жизни.

В 2012 году мама, исчерпав все аргументы и всё своё терпение, применила последнее средство: шантаж. Она записала меня на вступительные экзамены в Академию Прикладного Мастерства. Не спрашивала, хочу ли я туда. Просто поставила перед фактом:

— Или учишься, или ищешь работу и съезжаешь.

В её глазах я наконец увидел решимость. Даже Джин Хо на время притих, почуяв в этой решимости силу, с которой пока что было бесполезно бороться.

Академия готовила кадры для рудников мана-камней — станového хребта экономики нашей страны. Профессии были разные: от смотрителей и учётчиков до ремонтников тяжёлой техники. Я, не глядя, ткнул в графу «Инженерная подготовка». Звучало солидно. Но на деле же программа сводилась к изучению и починки примитивных устройств, конвейерных лент, проходческих щитов и систем вентиляции — всего того, что копошилось в земле, добывая драгоценные камни.

Мана-камни.

К тому моменту, как я родился, их уже давно перестали воспринимать как чудо или магию. Они были такой же обыденностью, как уголь когда-то. Сначала Охотники зачищали обнаруженные пещеры или шахты от тварей. Туманные резчики, летучие мыши-кровососы размером с собаку, пещерные ящеры с невероятно крепкими хвостами. Зачистка никогда не была одной единственной. Монстры возвращались, приползали на запах концентрированной маны, как мухи на мёд. Это был бесконечный, изматывающий цикл: кровь, смерть — ради камней. Потом, после зачистки, приходили искатели жил, отмечали самые насыщенные участки. И уже затем — горняки. Люди в промасленной робе, с испачканными лицами, которые выражали бесконечную усталость. Их труд считался низкоквалифицированным, почти каторжным. Нас, «инженеров», готовили быть чуть выше в этой цепочке — теми, кто чинит инструменты для рабочих. Мир, который когда-то манил меня суперсилами и справедливостью, предстал гигантской, бездушной машиной по перемалыванию жизни.

Первый мой день учёбы начался с провала. Я опоздал на автобус. Пришёл на остановку как раз в тот момент, когда задние огни автобуса растворялись в утреннем тумане. Я прислонился спиной к остановке, достал сигарету. Джин Хо молча наблюдал. Он ещё не до конца проснулся.

Тогда ко мне подошёл парень. Высокий, чуть сутулящийся, в новенькой куртке. У него было открытое, немного простодушное лицо и непринуждённая улыбка, которая сразу вызвала во мне раздражение.

— Привет! Тоже опоздал? — Спросил он, взглянув в сторону пустой дороги.

Я молча кивнул в ответ, затягиваясь, давая понять, что не настроен на пустую болтовню. Но он не уловил сигнала или проигнорировал его.

— Может, по кофейку? А то минут двадцать ещё торчать тут... — Он махнул рукой. — Я вчера тут ларёк приметил, там вроде недорого.

Я хотел отказаться. Просто отвернуться. Промолчать. Но что-то в его навязчивой непринуждённости, в этой глупой улыбке задело меня. Было проще кивнуть, чем препираться с ним. Я бросил недокуренную сигарету под ноги.

— Меня, кстати, Ким Томин зовут, — представился он, шагая рядом. И, после короткой паузы, протянул руку.

— Не трогай его. Какой-то придурок... — Прошипел Джин Хо у меня в голове. Но я уже автоматически, против воли, протянул свою руку в ответ. Рукопожатие было крепким.

— Я — Ан Минхо.

— Приятно познакомиться, Минхо! — Томин, мне показалось, искренне обрадовался, как будто мы заключили выгодный союз, а не просто представились из вежливости.

Он привёл меня к замызганному ларьку, купил два стаканчика кофе. Мы пили их, стоя на ветру. Томин болтал о вступительных экзаменах, о том, как запутался в корпусах академии. Я почти всё пропускал мимо ушей, просто кивал. Его болтовня была какофонией на фоне привычной внутренней тишины.

На первое занятие мы опоздали на пятнадцать минут. Мастер, сухой, пожилой мужчина, уже начал вводную лекцию. Он прервался, уставившись на нас с немим укором.

— Простите, мастер, — тут же, не смущаясь, выпалил Томин. — Мы заблудились, пока искали аудиторию...

Он лгал легко и естественно, с той же открытой улыбкой. Мастер тяжело вздохнул, посмотрел на нас и махнул рукой, указывая на свободные места.

Мы сели за одну парту на последнем ряду. Томин достал тетрадь, начал что-то старательно записывать. Я просто смотрел в окно на серое небо. В тот день, сам того не понимая, после долгих лет внутренних мучений, холодного одиночества и тихого шёпота тьмы, я встретил человека, который станет моим единственным другом. Ким Томин.

И потому, оглядываясь назад, мне невыносимо жаль его. Ни он, ни я в тот утренний час не могли и предположить, кем я стану, и как я с ним поступлю.

Запись четвёртая

У моей тьмы красивые глаза

Что должно произойти, чтобы человек стал убийцей? Ведь это не происходит по шелчку пальцев. К столь жестокому поступку подводят обстоятельства.

Обстоятельства... Какое нелепое оправдание для такого отчаянного шага...

Кого-то подталкивают к этому. Далеко ходить за примером не нужно. Банды. Они довольно распространены в Булготе. Это город, где находилась Академия Прикладного Мастерства, в которой я учился. В кого ни плюнь, попадёшь в члена какой-нибудь банды. Большинство из них безобидные. Небольшие группы по интересам, если грубо обобщить. Максимум, на что они способны, так это слегка поиздеваться над теми, кто слабее или держится в стороне.

Но есть и более серьёзные.

Вступить в такие банды гораздо сложнее. Сначала они используют человека как лакея, шестёрку. Сбегай, купи, принеси, присмотри. Когда до них доходит, что ты готов на всё, чтобы быть с ними в одной группировке, задания становятся сложнее, жёстче, безумнее. И в конце концов наступает решающий момент. Они называют это экзаменом.

Как правило, у таких банд есть недоброжелатели. Свидетели, которые видели или слышали то, что не должны. Члены другой банды. Перечислять можно бесконечно долго.

Чтобы окончательно и бесповоротно присоединиться к ним, дают подобную цель, которую нужно ликвидировать. В зависимости от банды и целей, к основной задаче могут быть добавлены дополнительные. Поиздеваться перед тем, как забрать жизнь, и снять это на камеру. Узнать информацию. Оставить предупреждение на трупе.

Но есть и другая сторона убийства.

Кто-то был вынужден это сделать.

Например, в попытке самозащиты. Когда тот же член банды напал на тебя, ты был вынужден защититься. Ведь не всегда удаётся просто убежать.

И, как оказывается, обстоятельства одновременно важны и нет.

Человека в любом случае будут судить за убийство, независимо от обстоятельств. Но обстоятельства, при которых убийство было совершено, учитывают. Отсюда выявляют степень тяжести преступления.

Я не юрист. Не могу дословно знать законы, лишь общеизвестные факты. Но разве за самооборону нужно судить?

Эти мысли постоянно лезли ко мне в голову после 2 октября 2013 года, на втором курсе академии.

День начинался как обычно. Я проснулся в половине седьмого утра. Умылся, позавтракал, и пошёл на остановку. Там меня уже ждал мой друг Ким Томин. Мы сели в автобус, доехали до академии и пошли на пары.

После второго занятия был большой перерыв, примерно один час. Мы решили сходить до магазина перекусить. Я помню, что мы тогда купили грибную пиццу и газировку. Чтобы не терять времени, решили перекусить по дороге. На обратном пути мы решили срезать. Пошли через заброшенные гаражи. Место было мрачным, но так мы могли сэкономить пятнадцать минут.

Мы заговорились и не заметили, как из-за угла выскочил мужчина. На вид бездомный. Грязные, спутавшиеся волосы, потрёпанная одежда и сильная вонь. Он схватил Томина за шею

и приставил окурок, который всё ещё тлел, к его виску. Он попытался вырваться, но бездомный рявкнул ему прямо в ухо. Мы замерли.

— Как зовут? — Спросил он, глядя на меня.

Я молчал. Смотрел на него. Попытался быстро что-нибудь придумать.

— КАК ЗОВУТ? — Рявкнул он.

— Минхо... Ан Минхо...

— Местные? — Задал он другой вопрос.

— Нет... нет. Мы из Кисана. Мы учимся в академии... Здесь недалеко.

Он задумался на минуту. Погрузился в свои мысли. Если эта пададь ещё была способна мыслить. Я не знаю. Но этого времени хватило Томину. Он топнул ему по ноге так сильно, как только смог. Бездомный заорал от боли и выпустил Томина. Он сразу же подбежал ко мне.

— Бежим! — Крикнул он мне.

А я не мог сделать даже шаг. Или не хотел... Джин Хо злобно шипел мне.

— Он должен заплатить за это! — Пауза. — Или ты хочешь лишиться ещё одного друга?

Меня как будто ударило молнией. Я вспомнил Лорда. Преданные глаза, в которых был страх, когда его забирали. Вспомнил моменты, которые связывали меня с Томином. Как мы играли по сети. Как он поддерживал меня. Иногда защищал, когда это требовалось. Как помогал с предметами, которые я не мог понять. Как договорились проходить практику в одном месте, потому что так будет веселее. А если взять во внимание мой характер, то уверен, дружба со мной ему давалась нелегко.

— Там лежит арматура. Возьми её! — Прозвучал приказ от Джин Хо.

Я...

Повиновался ему.

В паре метров от меня, в куче мусора лежал металлический прут, длиной, примерно, метр. Я взял его, взмахнул как мечом. Он был немного тяжёлым, холодным, шершавым от ржавчины.

— Что ты делаешь, Минхо? Бежим! — Кричал Томин.

— Никто не тронет друга! — Прошипели мы с Джин Хо в один голос.

— По коленям! — Скомандовал голос в моей голове.

Рассекая воздух прутом, я ударил по колену бездомного, которое издало противный хруст. Тот завопил. Рухнул на землю, хватаясь руками за ногу. Я подошёл ближе, встав над ним. Его глаза были полны ужаса.

— По рукам! — Новая команда Джин Хо. Его голос звучал ясно и чётко.

Я занёс прут и ударил его по локтю. Кость громко хрустнула, и рука неестественно выгнулась. Он застонал, низко, хрипло.

— ТЫ БОЛЬНОЙ? — Выдавил он из себя, срываясь на крик.

— Вы только посмотрите... У него ещё остались силы болтать? — Возмутился Джин Хо. — Лишим его этой возможности! — Прошипел он.

Я снова замахнулся арматурой. На этот раз целился в челюсть. Прут со всего размаха врезался ему в лицо. Голова дёрнулась. Из рта брызнула слюна с кровью. Вылетело несколько зубов. Он обмяк, потеряв сознание. Его тело стало просто куском гниющего мяса в куче тряпок.

Я стоял над телом, тяжело дыша. Арматура в руках казалась горячей. Или это кровь во мне так кипела. Я смотрел на то, что сделал. На раздробленную ногу, руку, на окровавленное лицо. Внутри — пустота. Ни страха, ни отвращения, ни удовлетворения.

«А что, если ударить ещё раз?» — пронеслось любопытство в моей голове.

— Бежим отсюда! — Схватил Томин меня за руку.

Я позволил потянуть себя. Мы побежали, оставив бездомного лежать возле заброшенного гаража, рядом с кучей мусора. Там, где ему и место. Я не оглядывался. Но отчётливо

слышал тот хруст костей. Снова и снова. Это звук пристал как надоедливая мелодия, которую невольно напеваешь раз за разом.

Как только мы оказались рядом с академией, я понял, что всё это время нёс с собой металлический прут. Остановился, посмотрел на него. Кинул в урну для мусора. Он громко звякнул, ударившись о дно.

Весь оставшийся день мы с Томином не разговаривали. Он сидел на лекциях, уставившись в одну точку, и не записывал ни слова. Наверное, у него перед глазами всё ещё висела та картина с избиением.

Когда мы возвращались домой, на развилке, он наконец заговорил, стараясь не смотреть на меня.

— Никому ни слова об этом... Иначе у нас могут быть проблемы. — Он сказал это ровно, без эмоций.

Я кивнул и отправился в сторону дома. Он пошёл своей дорогой.

— Проблемы? Мы избавили его от проблем. Именно поэтому он сейчас может идти домой, а не валяется мёртвым в куче мусора, как та мразь. — Прошипел Джин Хо.

— *Успокойся! Томин прав.* — Пресёк я его.

— Что... Чувствуешь вину за то, что сделал? — Удивился Джин Хо.

— *Нет... Он прав на счёт проблем.*

Я шёл и думал о том, что произошло. О том, как я легко поддался голосу в голове. Как точно выполнял команды. Возможно, если бы я проявил чуть больше усердия, то та черта, которую я так боялся переступить однажды, уже осталась далеко позади.

На следующий день повсюду гремели новости о найденном трупе бездомного. Я никогда не видел так много Охотников в одном месте. Они патрулировали улицы, их тёмно-синяя форма выделялась среди серых стен города, как синяки на коже. Томин был в панике. Он жутко нервничал. Его глаза бегали, пальцы нервно теребили ремень рюкзака. А когда рюкзака рядом не было, теребил рукав.

— Нас вычислят... Найдут... Что нам делать, Минхо? — Тараторил он без конца, стараясь говорить как можно тише, едва шевеля губами.

— Если ты заткнёшься и больше не заговоришь об этом, то никто и ничего не узнает. — Каждый раз я отвечал ему.

— Вот же ссыкун! — Каждый раз добавлял Джин Хо. Он явно презирал это.

Если честно, я не понимал панику Томина. Охотники к нам даже не подходили. Из всех студентов они разговаривали лишь с теми, кто проходил мимо них. И то разговор состоял лишь из пары фраз: «Здравствуйте, вы что-то знаете о случившемся?», «Нет.», «Извините». Всё. Да и не факт, что тот бездомный сдох из-за нас. Может, его добил кто-то другой. В интернете, да и по телевизору тоже, не было никаких подробностей. Лишь сухие сводки: было найдено тело мужчины, личность устанавливается, Охотники ведут расследование, просят свидетелей откликнуться. Ни слова ни о характере травм, ни об оружии. Значит, ещё не всё так очевидно.

Вечером, когда я был дома, ко мне прибежал Томин. Он весь пропотел, хотя на улице было прохладно.

— Минхо! Они звонили мне! Они что-то знают! — не успевая вдохнуть, выплёвывал он слова.

— Подожди! Успокойся... Кто звонил? — Попытался я добиться от него внятного ответа.

— Не знаю... Какой-то Охотник. Он представился, но я забыл, как его зовут. Он сказал, что хочет поговорить со мной. — Ответил Томин, явно нервничая. Он прошёлся по коридору, сжал кулаки, разжал.

— Не поднимай панику раньше времени... Может, он просто хочет спросить, видел ты что-нибудь или нет. Да и если бы они что-то подозревали, нас бы кинули в клетку уже. — Старался я рассуждать логично. Джин Хо молчал.

— Не знаю... — Тяжело вздохнул Томин и сел на корточки, схватившись за голову, как будто пытается сжать её и остановить поток мыслей.

— Когда он хочет поговорить? — Спросил я.

— Сказал, что если есть возможность, то можно подойти и сегодня. Он на дежурстве, поэтому можно прийти в любое время. Я сказал ему, что постараюсь, но, если что, приду завтра. — Вкратце пересказал он мне свой разговор с Охотником.

Я взял куртку, начал одеваться. Действовал на автомате. Это просто следующий шаг.

— Ты... Что делаешь? — Удивился Томин, подняв голову.

— Как что? Собираюсь идти с тобой к тому Охотнику. Со мной ты будешь спокойнее. Да и будет время обсудить нашу версию по дороге.

Томин оживился. На его лице на миг проявилась улыбка, быстро сменившаяся новой волной тревоги.

Наша окончательная версия звучала так: да, мы иногда ходим той дорогой, и в тот день тоже проходили там, так как торопились, но ничего и никого подозрительного мы не видели; возможно, могли не заметить, так как торопились и болтали между собой; бездомные, которые валяются где попало — частое явление, поэтому могли не обратить внимания.

Главное — говорить одно и то же, не противоречить друг другу в деталях. Быть увереннее.

Бюро уголовных расследований располагалось в трёхэтажном здании без окон на первом этаже. Дежурный, молодой Охотник, позвал того, кто звонил. Он вышел к нам почти сразу — мужчина лет сорока, с усталым видом, но со взглядом, который с ходу начал нас внимательно изучать. Униформы на нём не было, просто тёмные штаны и голубая рубашка. Он встретил нас, провёл по длинному коридору до небольшого кабинета, заваленного папками. Предложил кофе. Мы отказались.

— А вы... — Начал он, глядя на меня оценивающим взглядом.

— Я — Ан Минхо, господин. Друг и одноклассник Ким Томина. — Слегка склонив голову, ответил я, стараясь выглядеть естественно.

— Что ж... Так даже лучше. Два возможных свидетеля лучше, чем один. — Он едва улыбнулся, но взгляд остался серьёзным. — Поговорив с несколькими студентами, в том числе и с вашими одноклассниками, я выяснил, что вы часто ходите через заброшенные гаражи недалеко от магазина «Север-элефон». Это так? — Обратился он к Томину.

Я думал, что Томин уже на этом моменте жутко разнервничается и выдаст всё, что знает. Но, к моему удивлению, он держался достаточно уверенно.

— Да, господин Охотник. По тому пути мы можем срезать путь до академии. Это экономит время.

— Вы ходили по той дороге второго октября? — Задал он следующий вопрос, переведя взгляд на меня, потом обратно на Томина.

— Да, господин. Мы купили еду и поспешили на пары. Чтобы успеть, мы пошли по той дороге. — Томин отвечал так, как мы обговаривали, и при этом смотрел прямо ему в глаза.

— Вы видели что-нибудь... Или кого-нибудь странного в тот день? — Обратился он уже ко мне.

Я сделал вид, что задумался, нахмурил брови, пытаясь вспомнить.

— Не припомню, господин. Может, и было что-то... Но мы сильно торопились, поэтому могли не обратить внимания. Трудно сказать. — Ответил я, слегка разводя руками, изображая лёгкое сожаление.

Охотник вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Скорее всего, вы знаете, но я всё равно обязан объяснить с какой целью вас вызвал. Второго октября, возле одного из заброшенных гаражей Булгота, было найдено тело мужчины.

На трупе присутствуют следы насильственной смерти. У него тяжело повреждены ноги, руки, челюсть и...

«И?» — пронеслась в голове мысль.

— И было вспорото горло. Почти от уха до уха. — Закончил Охотник. Его слова повисли в воздухе кабинета.

Мы с Томином переглянулись. Я увидел неподдельный ужас в его глазах. В моих же собственных... Не знаю... Наверное, было лишь недоумение. Мне пришлось заставить себя слегка расширить глаза, чтобы изобразить шок.

— Поэтому нам важна любая деталь, чтобы скорее поймать убийцу. Это было довольно жестоко для уличной разборки. Даже, как видите, — указал он жестом на себя, — нас привлекли к делу соседнего города. — Слегка усмехнулся и достал из кармана две белые визитки, положил на стол перед нами. — Если что-то вспомните, любую мелочь, прошу, позвоните мне сразу.

Маленькие, гладкие карточки. На них чёрными строгими буквами было написано: Чон Санхель. Старший Охотник отдела уголовных расследований. И номер телефона.

Мы встали, сделали неглубокий поклон, почти синхронно, и вышли. Молча прошли по коридору, мимо дежурного, вышли на улицу.

Отойдя от бюро примерно метров двести, Томин заговорил. Сдавленно.

— Вспорото горло? Это точно не мы... — Он задумался на пару секунд, вспоминая тот день. — Ты ведь не возвращался? — Резко посмотрел он на меня, с надеждой и мольбой во взгляде, на то, что я скажу «нет».

— Ты ведь знаешь, что нет. Мы вместе ушли. — Ответил я без колебаний.

— Тогда всё гораздо страшнее... Значит, там был и убийца всё это время... — Он замолк, сглотнув. — Больше я в тот магазин не пойду.

Я не стал отвечать. Мы шли, и каждый шаг отдавался в тишине пустых улиц. Дойдя до развилки, мы молча разошлись, просто кивнув друг другу.

Дома я решил выпить кофе. Включил чайник, насыпал ложкой кофе в кружку. В ожидании, пока закипит вода, Джин Хо заговорил. Его голос показался мне задумчивым.

— Ты ведь понимаешь, что это значит? — С интригой спросил он.

— *Что же?* — Спросил я, глядя на пар, поднимающийся из носика чайника.

— За нами наблюдали. Этот кто-то не хотел разоблачать нас, раз добил ту пададь. — Закончил он мысль.

Это и так было очевидно. Но после того, как Джин Хо озвучил, я позволил этой мысли развернуться на полную. Значит, кто-то кроме меня и Томина знает о том, что там произошло. Этот кто-то видел, что я сделал. А значит, нам может угрожать опасность со стороны того, кто остался в тени.

Следующие несколько недель Томин был крайне напряжён. Он вздрагивал от каждого неожиданного звука, его глаза постоянно бегали по сторонам, искали Охотников в толпе или просто слишком пристальные взгляды. Он не мог сосредоточиться, а после занятий торопился домой. Мне уже начало казаться, что ещё чуть-чуть, и у него начнёт развиваться нешуточная паранойя, которая сведёт с ума и его, и меня заодно. Поэтому в одну из пятниц я предложил сходить ему в клуб.

— Куда пойти? — Не поверив своим ушам, переспросил Томин, как будто я предложил полететь на луну.

— В «Алое Пламя». — Выдохнул я.

— Ты же не любишь такие заведения?! — Не понимал он, его брови поползли вверх.

— Тебе нужно расслабиться. Иначе сойдёшь с ума. Может, найдёшь там кого-нибудь, отвлечёшься. — Объяснил я свои мотивы, максимально практично.

Я не стал говорить, что его паника начинает раздражать, что его постоянная нервозность — это проявление слабости, которая может стать угрозой для нас обоих. Ему нужно выпустить пар, снова стать болтливым, простодушным Томином, иначе он может сломаться и наговорить лишнего.

Немного подумав, он согласился.

Я не стал особо наряжаться — тёмные джинсы, чёрная футболка, куртка. Ведь Томин был прав, я никогда не любил такие заведения. В основном из-за большого скопления людей, их шумных голосов, не всегда приятных запахов, неконтролируемых движений. В таких местах я чувствовал себя неуютно, небезопасно. Но я был обязан пожертвовать своим комфортом. Иначе вместо друга у меня будет параноидальная тень.

Мы встретились у входа в клуб в двенадцать часов ночи, как и договаривались. Очередь была длинной. Пока мы стояли, я чувствовал на себе чей-то взгляд. Не мимолётный, не случайный. Пристальный, изучающий. Осмотревшись по сторонам, я увидел ту, кто смотрела.

Девушка, стоящая чуть в стороне от очереди, прислонившись к стене. Высокая, с длинными волосами чёрного цвета, спадающими почти до талии. Черты её лица были правильными, симметричными, что обычно считается привлекательным. Но особенно выделялись её глаза: большие, миндалевидные, с тёмными зрачками. В тот момент я не понимал, что такого я увидел в них, что так меня зацепило. Я осознал это гораздо позже. Она улыбалась, глядя на меня — легко, играючи. Её улыбка удивительным образом подчёркивала эту выразительность взгляда, делая его ещё более притягательным.

Её взгляд был таким, будто она встретила старого знакомого, которого давно не видела. Я улыбнулся ей в ответ, после чего отвёл взгляд, делая вид, что смотрю на очередь.

— Симпатичная, а? — Тихо сказал Томин, заметив мой взгляд. — Но, мы не из её лиги, брат.

— Ага, — равнодушно ответил я.

Когда мы наконец вошли в клуб, по ушам сразу начали бить басы музыки. Они проходили сквозь тело, заставляя внутренности вибрировать. В центре был большой танцпол, где люди сливались в одно тёплое, потное, двигающееся месиво под стробоскопами. На вид большинству из них не дашь больше двадцати лет. Томин сразу же отправился туда, будто его запустили пружиной, и растворился в толпе через несколько секунд. А я отправился к барной стойке, найдя там относительно спокойный угол.

Заказал у бармена бутылку соджу. Она была небольшой, но цена была как у элитного алкоголя. Сидеть просто так мне тоже не хотелось, так что выбора не было. Я налил себе первую рюмку, выпил.

Прошло примерно минут сорок. По Томину было видно, что он веселился. Он пару раз подходил ко мне, потный и сияющий, пытаясь вытащить на танцпол, но я упорно отказывался, отмахиваясь рукой. В конце концов он отвлёкся на какую-то миниатюрную брюнетку в блёстках, и с того момента всё его внимание было приковано к ней. Я вздохнул с облегчением, наконец он отстанет от меня и получит свою порцию развлечений.

Прошло ещё минут десять. Музыка менялась на более агрессивные треки, и толпа на танцполе взрывалась в ответ. Именно тогда ко мне подседа та самая девушка с чёрными волосами. Она что-то заказала у бармена, не глядя в его сторону. Её взгляд был устремлён на меня.

— Тоже не по себе в таких местах? — Заговорила она со мной, наклонившись так близко, что её губы почти коснулись моего уха, а тёплый воздух от её дыхания коснулся кожи. В клубе было громко, поэтому я не удивился такому вторжению в личное пространство. Я почувствовал аромат её духов, который запомнил навсегда с того момента. Богатый, тёплый, сладковатый. Я бы описал его как запах красного дерева, нагретого солнцем. Непривычно сложный и дорогой для такого места.

— Как догадалась? — Спросил я, не поворачиваясь, глядя прямо перед собой.

— Ты уже час тут сидишь, не двигаясь с места. — Усмехнулась она. Я впервые взглянул на неё с тех пор, как мы заговорили, и увидел её улыбку так близко.

— Другу нужно было развеяться. Пришлось пожертвовать своим комфортом. — Ответил я, улыбнувшись в ответ. Налил ещё рюмку соджу.

Она засмеялась. Смех был приятным.

— У меня такая же история... Не хочешь выйти? Не люблю кричать... — Вдруг предложила она.

Я поймал взглядом Томина. Он уже всю целовался с той брюнеткой в углу стены, полностью поглощённый процессом. Поэтому я не увидел причин отказываться. Меня охватило любопытство. Кто она? Почему подошла ко мне?

— Да какая разница, идиот? Ты посмотри, какая красотка. Ещё думаешь идти или нет? — Вставил своё Джин Хо.

Я кивнул ей и положил деньги за выпивку на стойку.

Она пошла первой, ловко маневрируя между людьми, иногда оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что я следую за ней. Её движения были грациозными и уверенными, как у хищницы в своей среде обитания. Мы прошли через чёрный выход в узкий, плохо освещённый переулок. Там воняло мусором и мочой. Она не остановилась. Уже тут я должен был насторожиться, но любопытство оказалось сильнее. Девушка направилась дальше, за угол следующего здания, в ещё более тёмный проулок, где свет уличных фонарей не доставал.

Там стояли двое парней, прислонившись к стене. Курили. Когда мы появились, они выпрямились и бросили окурки. Девушка встала рядом с ними, повернувшись ко мне. Парни явно были пьяны — их позы были развязными, глаза мутными, — но пока ещё могли держаться на ногах.

— Э... Ты... — Заговорил тот, что повыше и пошире в плечах. — Ты за моей тёлкой решил приударить?

— Он хочет драки? Забавно... — Злорадно, почти с наслаждением произнёс Джин Хо.

— Да что ты говоришь? Быть не может. — Ответил я ему с иронией, оценивая обстановку. Узкое пространство. Двое против одного, но оба пьяны.

— Чё молчишь, паскуда? — Снова заговорил парень, делая шаг вперёд. Я почувствовал сильный запах перегара и пота.

— Прости... — Ответил я спокойно, даже вежливо, глядя ему прямо в глаза. — Не знал, что в этот клуб ходят зоофилы. — Я решил обострить ситуацию. Пьяный, да ещё и в гнев, он не сможет контролировать свои действия, его атаки будут предсказуемыми.

— Чё сказал? — Спросил он, и его лицо изрядно покраснело.

— Говорю, тёлка — это молодая корова. А раз ты ревнуешь корову, значит, ты зоофил. — Я сделал небольшую паузу. — Брось... Если объяснять шутки, они уже не будут смешными. — Сделал я опечаленный вид.

Девушка усмехнулась.

— Видишь? — Указал я на неё рукой. — Ей понравилось.

Парень рыкнул что-то нечленораздельное и бросился на меня. Попытался ударить меня левой рукой — широкий, размашистый удар. Я просто отклонил корпус вправо, и его кулак пролетел мимо моего уха. Его по инерции понесло вперёд. Я подставил ногу. Он споткнулся, тяжело рухнул и громко выругался. Я воспользовался моментом, пока он был в замешательстве, наступил ему на шею, не всем весом, но достаточно, чтобы прижать его к холодному асфальту и лишить возможности легко подняться.

— Попробуешь ещё раз, и уже не встанешь... — Начал я, но не успел договорить.

— Минхо! Сзади! — Крикнул Джин Хо.

Я был ослеплён простотой успеха, так что не заметил, как второй парень, более худощавый и быстрый, уже подбежал ко мне сбоку. Он схватил меня за ворот куртки, резко дёрнул на себя и прижал к стене. Воздух с силой вышел из лёгких.

— Чур не целовать! — Снова я бросил фразу, одновременно пытаюсь оценить его возможности.

— Бей коленом! — Скомандовал Джин Хо.

Так и сделал. Схватившись своими руками за его запястья, чтобы немного ослабить хватку, я резко ударил коленом в пах. Он издал сдавленный стон и согнулся пополам.

— По морде эту гниду! — Крикнул Джин Хо.

Я тут же ударил его коленом по лицу, и он отлетел назад, упав на бок, зажимая нос рукой. Из-под пальцев потекла кровь.

Только тогда я посмотрел на девушку. Она улыбалась. Широкой, искренней улыбкой, от которой её глаза сузились и засверкали в темноте.

Я подошёл ближе к ней. Первый парень кричал, пытаюсь подняться, второй стонал на земле. Но они были ей совершенно не интересны.

— И для чего это всё? — Спросил я у неё, стараясь, чтобы мой голос звучал без одышки, хоть сердце и стучало с бешеной скоростью.

Но вместо ответа она ловким движением, быстро сунула мне что-то в руку. Я инстинктивно сжал пальцы. Это был маленький нож.

— Сзади. — Спокойно сказала она, всё так же улыбаясь.

Я обернулся, но было уже поздно. Первый парень, поднявшись с земли и крича от ярости и унижения, бежал на меня. Он был в двух шагах, когда я повернулся. На автомате я выставил руку с ножом вперёд. Он наткнулся своим брюхом прямо на торчащее остриё. Встал, как вкопанный, его глаза раскрылись от шока. Он посмотрел вниз, на мою руку, упёршуюся ему в живот, потом на меня. Его рот открылся, и вырвался лишь хриплый выдох. Он медленно стал оседать, хватая руками место удара.

Я лишь смотрел, как он, ошупывая рану, падает на колени, а потом и на спину. Я выдернул нож. На лезвии, даже в темноте, можно было разглядеть кровь.

И тогда девушка засмеялась. Её лёгкий смех жутко прозвучал в этой тёмной подворотне рядом с человеком на земле. Она скрестила руки на груди и улыбнулась удивительно мило для этой ситуации, будто наблюдала за забавным щенком, а не за убийством.

— Надо же... Всё как тогда, — произнесла она, и я тут же понял, о чём речь. Всё это не было просто совпадением. — Не переживай так, — продолжила она, видя, как я смотрю на нож и на человека. — У него под одеждой пакет с кровью. Театральная, конечно, но такая же эффектная. Не думал же ты, что я так легко и просто дам убить моих людей? — Она снова рассмеялась.

Как по команде, оба «пострадавших» парня поднялись с земли, постанывая. Тот, что получил ножом, достал из-под одежды лопнувший пакет с кровью. Он не переставал держаться рукой за то место, в которое получил ножом. Хоть вся эта ситуация и была цирком, ему было всё равно больно. Они отряхнулись и встали у неё за спиной, как солдаты, в ожидании дальнейших указаний.

«Меня проверяли?» — пронеслась первая мысль.

— Кто ты такая? — Спросил я тихим голосом.

— Я? — Она наклонила голову, и её волосы каскадом спали на плечо. — Я такая же, как и ты. С таким же взглядом убийцы. Только осознала это гораздо раньше тебя. — Ответила она загадкой.

— Что тебе нужно от меня? — Задал я новый вопрос, по-прежнему не понимая, но уже догадываясь, что это не случайная встреча.

— Скоро узнаешь, дорогой... — Она сделала шаг, чтобы встать ближе ко мне. — Сегодня, увидев тебя, я лишь хотела убедиться, что не ошиблась...

— В чём? — Спросил я, чувствуя, что даже Джин Хо в предвкушении ответа.

Она вновь засмеялась. Её смех был тёплым и опасным одновременно.

— В том, что ты именно тот, кто нужен мне. Я вижу, как ты смотришь на людей... Как на куски протухшего мяса, от которых нужно срочно избавиться.

Она развернулась и, не оглядываясь, пошла прочь по переулку, её каблуки стучали по асфальту. Двое парней бросили на меня обиженные взгляды, злые взгляды и последовали за ней, быстро скрывшись в темноте.

Я остался один. Мир, всегда казавшийся хаотичным и безразличным, вдруг проявил ко мне интерес.

Обстоятельства...

Всегда всё строится вокруг них. Планы, решения, выводы — всё это лишь реакция на то, что происходит вокруг нас. Что я могу сказать об обстоятельствах, когда оказался в той ситуации с бездомным? Я не мог их контролировать. Не мог предсказать появления той мрази на нашем пути. Не мог предупредить Томина до того, как он схватил его. Не мог остановить Джин Хо, отдающего мне команды для ударов.

Всё это чушь, про то, что мы сами выбираем путь, свою судьбу... Я ничего не выбирал. Не выбирал отца, который бил меня, которому я был равнодушен, который решил зайти в дом с топором и раздумывал, что делать с нами после этого. Не выбирал мамины слёзы, то, как она страдала, мучилась со мной и моими выходками. Не выбирал отдать Лорда старым хозяевам, причинив тем самым боль и себе, и ему. Не выбирал злобу на весь мир, которая царит во мне.

Обстоятельства подталкивали меня день за днём, год за годом, ко тьме, которую, как ни странно, я не боялся. К которой, если быть до конца честным, я тянулся сам. Потому что в ней не было боли. Не было разочарований. Не было этой дурацкой надежды, которая всегда оказывалась обманчивой.

Есть такое выражение, кажется, из какой-то старой книги: «Если долго вглядываться во тьму, то тьма начинает вглядываться в тебя». И как выяснилось той ночью, недалеко от клуба «Алое Пламя», у моей тьмы бесконечно красивые глаза.

